

Взлёт и падение И.Б.Шада, или о превратностях судьбы одного немецкого фихтеанца на русской службе*

Видный немецкий философ Иоганн Баптист Шад¹, преподававший в 1804—1816 гг. в Харьковском университете, в истории русской философии традиционно характеризуется как шеллингианец, причем к философии Шеллинга, как считают исследователи, Шад пришел после основательной фихтеанской выучки². Надо признаться, что философское наследие как самого Шада, так и представителей его школы изучено совершенно недостаточно, — мыслитель такого ранга, по нашему мнению, заслуживает чего-то большего, нежели ряд, пускай и блестящих, журнальных публикаций и научных статей³. Ввиду того, что в биографии Шада, которая, кстати говоря, отличается примерно таким же уровнем изученности, как и творчество названного мыслителя, содержится ряд моментов, небезыntenесных для истории и русской, и немецкой философии, мы посчитали для себя уместным остановиться на жизнеописании Шада несколько подробнее, чем того могли бы ожидать наши читатели⁴.

Шад (Johannes Baptista Schad) появился на свет в деревне Мюрсбах (Mursbach), что находится между Кобургом и Бамбергом⁵. Событие это случилось в четверг, 30 ноября 1758 года⁶. Семья Шада — достаточно многочисленная, у будущего философа насчитывалось десять братьев и сестер) — была католической, а глава ее даже считался ревностным католиком. Все это, разумеется, отразилось на воспитании юного Иоганна Баптиста⁷, который, по его словам, в детстве не мог без омерзения в душе слышать о Лютере и лютеранах.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 98-0304261.

В 1768 г. он принимается дискантом в хор монастыря, находившегося в городе Банц. С 14 лет Шад учился в школе иезуитов, считавшихся в восемнадцатом столетии лучшими педагогами. Иезуиты, впрочем, практиковали жесткую духовную цензуру, и о сочинениях, к примеру, Канта талантливый ученик узнал только в 1788 году, спустя десять лет после того, как вступил в монастырь города Банц послушником.

Священником Шад стал в 1789 году и, как оказалось, напрасно. Монастырская жизнь не принесла ему ни душевного удовлетворения, ни нравственного спокойствия⁸. Отец Роман (таково было церковное имя Иоганна Баптиста), ощущавший себя в монастырской келье несколько не на своем месте, изливал переполнявшие его чувства в песнях, старательно штудировал труды новейших немецких философов. Увлечение модным тогда духом критицизма принесло свои плоды: полностью переделанная Шадом легенда о каком-то святом возбудила вполне обоснованные подозрения у монастырского начальства.

Духовная эволюция Шада при всем том протекала медленно, монастырь он решил покинуть лишь 12 ноября 1798 года, после того как разразился скандал, связанный с изданием его книги «Жизнь и судьба почтенного патера Синцеруса»⁹. Бамбергский епископ и влиятельные католические круги, по-видимому, опасавшиеся нежелательной для них огласки, предпочли посмотреть сквозь пальцы на решительный поступок Шада. Никаких преследований с их стороны, во всяком случае, так и не последовало. Вообще говоря, Германия времен просвещенного абсолютизма в отношении политическом отличалась либерализмом, который, с современной нам точки зрения, сильно походила на лаксизм. Даже после битвы при Вальми — трагикомического эпилога обречённой на провал буффонады герцога Брауншвейгского — борьба с адептами радикальных преобразований в Германии ограничивалась, главным образом, выборочной перлюстрацией корреспонденции¹⁰. Что касается пресловутых прусских эдиктов о религии и цензуре, в силу которых Фихте испытал затруднения с изданием своего «Опыта критики всяческого откровения»¹¹ (январь 1792 г.), то они были прокламированы ещё до французских событий, а именно: 9 июля 1788 года.

Протестантские круги, связи с которыми Шад установил еще в 1796 году, во время своей поездки по маршруту Лейпциг — Галле — Иена — Веймар, приняли беглого монаха-расстригу с

распростертыми объятиями. Шад, стараясь оправдать лучшие ожидания своих новых покровителей, поспешил обратиться в лютеранскую веру. Усиленные занятия философией между тем принесли долгожданные плоды: по удалении Фихте из Йенского университета популярным философом в этом городе сделался именно наш герой.

Личная жизнь Шада также приняла благоприятный оборот. Женой философа стала сестра книготорговца Зиннерта, которая, кстати говоря, получила образование в доме великого Шиллера. В Йене Шад прожил до 1804 года, когда ему открылась перспектива (по рекомендации Гёте и Шиллера) сделаться профессором теоретической философии в Харьковском университете. Харьковская профессура представляет собой апогей философской и педагогической карьеры Шада, который прибыл в Россию в полном расцвете физических и умственных сил. От работы в университете, помимо материального благополучия, Шад получал глубочайшее нравственное удовлетворение. В Харькове Шад считался человеком уважаемым, там он получил чин надворного советника, ординарную профессуру, избирался деканом факультета и секретарем Совета, являлся членом училищного комитета, писал руководства для учащегося юношества, читал частные, между прочим недурно оплачиваемые, лекции. Безвременная смерть жены поколебала благодушие Шада не надолго, вскоре он обрел себе новую русскую подругу жизни.

Гроза над Шадом разразилась в 1816 году. В декабре по предписанию Комитета министров немецкий профессор высылается через Белосток за границу Российской империи¹². События, связанные с изгнанием Шада, — достаточно интересны, и потому в дальнейшем мы остановимся на них подробно.

Шад возвращается в Йену. Надо признаться, что высылка из России сыграла в прихотливой судьбе Шада роковую роль: научная карьера и семейная жизнь у него расстроились окончательно¹³. В конце жизни этот больной, сильно пьющий старик вызывал у приличной йенской публики по преимуществу одни насмешки. Скончался философ 13 января 1834 года.

Справедливости ради скажем, что над усовершенствованием своей философской системы Шад трудился и в эти далеко не лучшие для него времена, но, в отличие от первых работ, поздние труды Шада на печатный станок так и не попали. Автор посвященного Шаду некролога, по видимости, имел частую возможность наблюдать за работой престарелого философа: «Его

взгляд был устремлен к высшему человеческому совершенству, к системе морали, которая, по его выражению, должна привести к абсолютному земному и вечному блаженству. Он был так увлечен созданием этой системы, что его перо не успевало за его мыслями. Поэтому он записывал их карандашом и только потом обводил чернилами.

Говорить о Шаде как о последователе Фихте можно лишь с определёнными оговорками, поскольку он даже в своих ранних, «фихтеанских» трудах опирался на те работы Фихте, которые увидели свет ещё в конце XVIII столетия. Но Шад здесь, вообще говоря, ни при чём. Судьба Фихте чем-то напоминает судьбу Рейнгольда, считавшего «Синонимику» своей наиболее зрелой работой, в то время как в философской литературе суждения относительно Рейнгольда выносились на основании его ранних работ. Современники, выносившие суждения о философии Фихте, оперировали по преимуществу поздними лекциями, притом напечатанными по смерти философа. Внимание тогда уделялось, главным образом, практической деятельности Фихте, а в интерпретации учения твердо были усвоены различия, существующие между первым и вторым изложением «Наукоучения». Непривычная даже для философов терминология раннего Фихте («das Sich setzen des Ich, das Gesetz werden des Nicht-Ich, den undeducirbaren AnstolS») рассматривалась как явление побочное и во внимание не принималась. Ныне творчество Фихте интерпретируется совершенно иначе. Предпосылки к первому изложению «Наукоучения» изыскиваются у Канта, потом — у Рейнгольда, Энесидема-Шульце и Маймона, наконец, с учётом перечисленных выше влияний, становится понятна генетическая связь системы Фихте с немецкой философской традицией. То же самое можно сказать и о влиянии Фихте на Шеллинга, Гербарта и Гегеля. Берлинский период деятельности Фихте замечателен тем благотворным духовным воздействием, которое он оказал на повергнутую перед наполеоновскими орлами Германию, чего, к сожалению, нельзя сказать о философии Фихте. Фихтеанской школы не сложилось, и в этом нет ничего удивительного, поскольку Фихте не решился предать печати свои лекции о «Наукоучении» за 1801, 1804, 1813 годы, «Факты сознания», лекции о трансцендентальной логике. Фихте-младший, напечатавший в 1843 г. основные произведения отца, по всей вероятности, и был единственным на то время фихтеанцем¹⁴.

Кроме Шада к последователям Фихте причисляют Шауманна и Михаелиса (оба испытали это влияние в философии права), далее, умершего профессором в Эрлангене Мемеля (Mehmel). Выходивший в Эрлангене же журнал «Erianger Uteraturzeitung» некоторое время горячо поддерживал Фихте, чему немало способствовал редактор этого журнала Мейзель (Meusel).

В этом кратком очерке, разумеется, не представляется возможности дать исчерпывающее представление об идейной эволюции Шада, рассмотреть во всех подробностях его обширное философское и литературное наследие. Наша задача ограничивалась кратким абрисом научной карьеры Шада (с учётом сведений, ставших достоянием науки в последнее время), сжатым изложением его философских взглядов в доступные изучению периоды творчества, рассмотрением обстоятельств, вызвавших за собой удаление Шада из Харьковского университета и из России вообще, и, наконец, сведением в одно целое основной библиографии вопроса.

Влияние Фихте, как считается, наиболее явственно проявилось в сочинении Шада «Absolute Harmonic des Fichte'schen Systems mil der Religion», вышедшей в свет в Эрфурте (типография Геннинга, 1802 год). «Абсолютная гармония...», по словам Шада, в действительности является третьим, наиболее оригинальным томом, завершающим ученический двухтомник «Gemeinfassliche Darstellung des Fichte'schen Systems und der daraus hervorgehende Religionstheorie»¹⁵, также годом ранее вышедший в Эрфурте. «Абсолютная гармония...» представляет собой вместительный том, объёмом в пятьсот страниц, заслуживает отдельного исследования. Здесь же мы вынуждены ограничиться самыми общими моментами.

Шад, уже во введении к «Абсолютной гармонии системы Фихте с религией», даёт понять, что в его лице читатель имеет дело не с рабским подражателем Фихте, но с самостоятельным исследователем, способным на критическое отношение к маститому учителю. Общим с Фихте Шад считает только «трансцендентальную точку зрения, отличную от обыденного употребления разума»¹⁶. Философствование, по мысли Шада, должно преодолеть рефлексию (Reflexionspunkt), с тем чтобы привести к знанию, в свете которого исчезает любая объективность¹⁷, а всё реальное будет определено как чистое действие (als blouses Handein). Затем Шад делает, образно говоря, теологический ход. «Ur-Reale» он полагает как исключительно абсо

лютное действие, к тому же ничем не ограниченное. Оно, по его мнению, не может быть сведено ни к самоопределению («Selbstbestimmen»), ни к определяемости («Bestimmtwerden»). Основание этому следующее: любое определение предполагает ограничение, а там, где ограничение отсутствует, естественно, не может быть и определения. Отсюда мы приходим к выводу, что абсолютное действие, которое не имеет ничего общего с определением, — немислимо и непостижимо. Если же мы и можем каким-то образом его помыслить, то делается это наперекор всем законам мышления. Выходит, «Ur-Reale» и есть Бог¹⁸. Действие («Handein») в соответствии с учением Фихте полагается как Я и не-Я, то есть как сознательное и бессознательное. Здесь не место подробно анализировать названную выше работу Шада, отметим только наиболее важные в ней разделы, к которым, в частности, относятся вопросы о координации (взаимном ограничении) Я и не-Я, видах сущего, абсолютной субстанции как основе религии¹⁹.

Шад критикует современников за то, что они, цепляясь за букву учения Фихте, а также за отдельные специфические его выражения, пренебрегли духом «Наукоучения», и потому оказались неспособны верно оценить отношение йенского профессора к религии²⁰. В данном вопросе Шад рекомендует не упускать из виду суть системы Фихте, которая в различных сочинениях этого мыслителя не всегда определяется с достаточной чёткостью. Таковой сутью Шад считает абсолютное тождество, а именно положение, что объективное и субъективное, взятые как таковые, суть единство (das Subjektivität und Objektivität an sich schlechthin Eins sein)²¹.

Надо заметить, что к концу своего сочинения Шад, увлекшись критикой Фихте, доходит в ней до геркулесовых столпов. Фихте, говорит Шад, грешит непонятным языком. Сам Шад якобы прочитал творения своего учителя сотни раз, но ничего ровным счётом в них не понял (!). Отчаявшись от такого бесполезного чтения, он решил дедуцировать систему человеческого духа самостоятельно. Помимо темноты языка Фихте, продолжает язвительную критику Шад, не обладает даром ясного изложения. Философу, если он желает достичь чего-либо путного, следует поступать так, как если бы «Наукоучения» вообще не существовало²². В самом деле, только наделённый изрядным даром иронии человек отважится после этих слов называть Шада верным последователем Фихте. В заключение Шад выражает

сомнение в творческих потенциях своего учителя. «Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о сущности новейшей философии», рассуждает Шад, наряду с имеющими появиться вариантами «Наукоучения» у читающей публики успеха иметь определенно не будет²³. В оправдание Фихте Шад нашёлся только сказать, что создатель системы не обязан быть её комментатором. Понятность изложения для комментатора необходима абсолютно, а для создателя она лишь желательна. Себя Шад, само собой разумеется, причислял к комментаторам, хотя в теории религии он, вероятно в качестве бывшего монаха, посчитал себя превосходшим спекулятивные построения своего бывшего учителя²⁴.

В самых общих чертах учение Шада о религии допустимо охарактеризовать следующим образом. Прежде всего, философ, исходя из априорных принципов, доказывает, что все народы, коль скоро они пришли к самосознанию, являются народами религиозными. Далее Шад определяет свою задачу так: «Показать, что некое определённое чувство, которое даже на высочайшем уровне интеллектуальной культуры не может быть охарактеризовано посредством адекватного выражения, — (среди цивилизованных народов такое чувство называют религиозностью) — неотделимо от природы ума. Как только это положение будет доказано, мы также докажем и то, что религиозность будет наличествовать при первом акте сознания»²⁵.

В начале своего труда Шад, как мы помним, определил природу *Ur-Reale* как божественную. В завершении же своей работы он приходит к выводу, что Я первоначально есть не что иное, как умное стремление (*intelligentes Streben*) к безусловно сверхчувственному, которое и представляет собой реальное (*das Reale*).

В России Шад не ограничился одной преподавательской деятельностью. В Харькове он издал несколько солидных трудов, названия которых приводятся нами в библиографии. Г.Г.Шлет в своём «Очерке развития русской философии» детально остановился на латинской логике Шада «*Institutiones philosophiae universae in usum auditorum suorum. T. 1. Logica pura et applicata*», вышедшей в свет в Харькове в памятный год «разгрома двенадцати языков». Остальные труды Шада, равно как и его коллег, ещё ждут своего исследователя.

Мы не останавливались бы подробно на истории изгнания Шада из Харьковского университета, если бы документы, связанные с этим событием, не представляли, в частности, значи

тельного историко-философского интереса, поскольку Шад, зачисляя свои сочинения от различных обвинений, попутно излагал и свои философские взгляды.

Немецкие авторы, говоря об изгнании Шада, предпочитают отделяться самыми общими фразами: философ был выслан из России якобы «... auf Grund anstossiger Stellen in seinen Schriften»²⁶, то есть Шад был удален из-за каких-то предосудительных высказываний, содержащихся в его сочинениях. Мнение это, несмотря на маловразумительный в данном случае лаконизм, прочно закрепилось и в отечественной историко-философской литературе. Между тем внимательное изучение имеющихся в нашем распоряжении печатных источников позволяет обозначить, самое малое, три фактора, сыгравших роковую роль в судьбе нашего философа. Перечислим их в порядке убывания важности: интрига профессоров Харьковского университета, по тем или иным причинам недовольных поведением Шада, личные качества жертвы помянутой интриги, инспирированная правительством реакция, наиболее ярко выразившаяся в известных радикальных акциях Магницкого и Рунича.

Благодаря сохранившимся документам ход интриги, подготовившей падение Шада, известен нам во всех ее малоприятных деталях. Итак, 22 декабря 1815 года профессор Дегуров обвинил Шада в том, что ученые промоции докторантов Ковалевского и Гриневича не имеют силы, так как представленные названными лицами диссертации суть не что иное, как жалкие компиляции лекций Шада, научного руководителя докторантов. Комиссия, составленная из четырех профессоров, ознакомившись с подозрительными диссертациями, 22 января 1816 года пришла к выводу, что диссертации Гриневича и Ковалевского были списаны с лекций Шада, причем лекции эти послужили для названных авторов «почти единственным первоисточником не только в смысле содержания, но и даже изложения»²⁷.

Склонные к критицизму дореволюционные исследователи, опираясь на тексты, сходные с приведенным выше, как правило, вообще отрицали существование т.н. «школы Шада». Новейшие исследования несколько сгладили этот критицизм. Так З.А.Каменский считает, что к школе Шада можно отнести Гесса де Кальве, Хлапонина, Бразоля, Любачинского, Дудровича и, с известными оговорками, упомянутых выше Ковалевского и Гриневича. Далее, по мнению Каменского, из крупных русских шеллингианцев М.Г.Павлов «подвергся кратковременному воз

действию немецкого идеализма через харьковского профессора Шада)²⁸. Что касается «Логики» Шада, то она, определенно, оказала влияние на одноименные труды П.Любовского, Ив.Любачинского и М.Талызина. Кроме этого, лекции Шада посещали такие известные мыслители, как Д.П.Велланский и архиепископ Иннокентий (Борисов).

Враги Шада вели атаки сразу по нескольким направлениям: 5 января философу вменили в вину издание книги L'Homonde «De viris illustribus»²⁹, 5 апреля речь уже шла о книге Шада «Institutiones juris civilis». Дегуров, наконец, направил министру просвещения два тайных доноса³⁰.

Шад пробовал защищаться³¹, но что он мог сделать против могущественной университетской кoterии? Против философа выступили профессор Дегуров, Успенский, Шумлянский, Делявинь, Каменский — секретарь Совета и к тому же главный интриган против иностранных профессоров, Паки-де-Савиньи. Открыто на сторону Шада встали лишь декан этико-политического факультета Рейт и секретарь факультета адъюнкт Дудрович, ученик Шада. Ректор С.Т.Осиповский и попечитель Харьковского учебного округа граф Северин-Потоцкий предпочли занять нейтральную позицию³². Министр просвещения гр. А.К.Разумовский отнесся к делу Шада толерантно, он только распоряжился не допускать «Естественное право» в школы, однако приемник Разумовского князь А.Н.Голицын, который, как мы уже знаем, составил себе представление о Шаде по книге «Жизнь отца Синцеруса», решил действовать круто: 3 ноября 1816 года он провел через Кабинет министров циркуляр, предписывавший незамедлительно выслать Шада за пределы российской империи.

Желая спасти себя, Шад направил в адрес Голицына оправдательное послание, присовокупив к нему свои переводы псалмов, снабженные пространными объяснениями³³. Защита успеха не имела, и 8 декабря 1816 года Шада выслали из России. Он, однако же, не посчитал свое дело закрытым: тотчас по приезде в Пруссию философ предпринимает крикливую газетную кампанию, в которой согласились принять участие такие влиятельные печатные органы, как «Hallische allgemeine Utteratur-Zeitung» и «Deutscher Beobachter». Русская бюрократия между тем проявляла завидное упорство: успеха не имели ни второе послание к Голицыну от 10 декабря 1818 года, ни личная аудиенция у государя, коей был удостоен Шад во время пребывания Александра Первого в Веймаре³⁴, ни ходатайство от 27 февраля

1827 года, ни хлопоты сына Шада, отправившегося в 1828 году из Германии искать справедливости в Санкт-Петербурге. В итоге Шад умер, так и не получив удовлетворительного ответа на вопрос, почему, собственно, он был изгнан из Харькова.

Попробуем ответить на этот вопрос мы. По нашему мнению, реакция, ознаменовавшая вторую половину царствования Александра Первого, в данном случае сыграла роль второстепенную. Если Рунич и Магницкий действовали планомерно, то в случае с Шадом многое решил случай, а именно субъективные мнения кн. Голицына. Если бы Голицын составил себе представление о Шаде по какой-нибудь другой его книге, только не по «Жизни отца Синцеруса», то, смеем полагать, философ наш выбрался бы из затруднительного положения сравнительно легко.

Чем же объяснить недоброжелательность харьковских профессоров, выказанную ими в адрес Шада? Правительственная реакция здесь явно ни при чем, зато личные качества Шада, как-то: раздражительность, скандальность и склонность к конфликтам, очевидно, не могли внушить к нему теплых чувств со стороны коллег. Не будем забывать, что Шад активно боролся с прежним ректором Стойковичем и в немалой мере способствовал его отставке, что, вероятно, не особенно понравилось друзьям последнего. Наконец, отметим, что Шад, воодушевленный волной патриотизма, захлестнувшей Европу после окончательного разгрома Наполеона, позволял себе отпускать едкие инвективы в адрес харьковских профессоров из числа французских эмигрантов, чем, бесспорно, задевал их и без того уязвленное чувство национального достоинства. Шад, вероятно, ассоциировал преподавателей-французов с духом французской философии, смешивая тем самым национальность с мировоззрением, что, впрочем, было характерно и для позднего Фихте³⁵. В сущности, Шад прямо выводил французскую революцию из французского же свободомыслия: «Таковой образ философии, именуемый везде, хотя и весьма справедливо, философией естественной, принимается за высочайшую мудрость не только между большею частью ученых французов, именующих себя философами, да и все почти французы заражены им до такой степени, что из этого только всеобщего развращения умов и сердец можно объяснить все те вечного проклятия достойные злодейства, каковыми Франция со времени насильственного ее переворота по делам гражданским оскверняла себя донныне». Усилия французских просветителей, доверительно сообщает Шад

кн. Голицыну, не пропали даром: «Уже многие из простого народа начинают сомневаться в бытии Бога, в существовании свободы воли, бессмертии души, в безусловной и необходимой должности. Следствия такого образа мыслей суть ужаснейшее растление нравственности и самоубийство, общие ныне всем почти состояниям, но никогда и ни в каком состоянии не случавшиеся столь часто доселе». Если Шад не погрешил здесь против истины, то набросанная им картина может служить интересной характеристикой нравов Александровской эпохи.

Библиография

1. *Ast F.* Grundriss einer Geschichte der Philosophie. 2-е Aufl. Landshut, 1825, [1807].
2. *Buhle I.G.* Geschichte der neuern Philosophie. Bd. 6. Abteilungen 1-2. Gottingen: J. Fr. Rower, 1804. 772, [268] S.
3. *Erdmann J.E.* Grundriss der Geschichte der Philosophie. 3-е Aufl. B.: W. Hertz, 1878. Bd. 2. XII, 872 S.
4. *Fries J.* Fichte's und Schelling's neueste Lehren von Gott... Heidelberg, 1807.
5. *Fries J.* Reinhold, Fichte und Schelling. Leipzig, 1803. Die Hallische allgemeine Litteratur-Zeitung. 1817. № 58.
6. *Liepmann. J.B.* Schad // Allgemeine deutsche Biographie. Bd. 30. Leipzig, 1890. S. 493-494.
7. *Reinhold K.Z.* Uber die Paradoxen der neuesten Philosophie. Hamburg, 1799.
8. *Rosenkranz K.* Geschichte der Kant'schen Philosophie /Hrsg. von S.Dietzsch. B.: Akademie-Verlag, 1987. 530 S.
9. *Schad J.B.* Absolute Harmonie des Fichte'schen Systems mil der Religion. Erfurt: Henning, 1802. IV, 499 S.
10. *Schad J.B.* Deutsche Chrestomatie. Prosaischer Theil. Charkov: Universitat zu Charkov, 1813. XXI, 382 S.
11. *Schad J.B.* De fine hominis supreme. Oratio. Charkov. S. a.
12. *Schad J.B.* De immortalitate animorum. Charkov, 1815.
13. *Schad J.B.* De viris illustribus urbis Romae. Charkov: Univ. typ., 1815.
14. *Schad J.B.* Der Geist der Philosophie unserer Zeit. Jena: Kroker, 1800.
15. *Schad J.B.* Dissertatio de existentia supremi numenis. Charkov, 1812.
16. *Schad J.B.* Dissertatio de libertate mentis humanae. Charkov, 1815.
17. *Schad J.B.* Dissertatio exhibens nexurn intimum inter philosophiam theoreticam et practicam. Jenae, 1800.
18. *Schad J.B.* Gemeinfaßliche Darstellung des Fichte'schen Systems und der daraus hervorgehende Religionstheorie. Erfurt, 1800. Bd. 1-2.
19. *Schad J.B.* Grundriss der Wissenschaftslehre. Zum Behuf seiner (Schad's) Vorlesungen. Jena, 1800.
20. *Schad J.B.* In memoriam professoris Kalkau. Oratio funebris. Charkov, 1810.
21. *Schad J.B.* Institutio confessionalis. Bamberg, 1787. Partes I-II.

22. *Schad J.B.* Institutiones juris naturae. Charkov: Univ. typ., 1814. III, 408 p.
23. *Schad J.B.* Institutiones philosophiae universae in usum auditorum suorum. T. 1. Logica pura et applicata. Charkov: Typ. univ., 1812. [10], 365 p.
24. *Schad J.B.* Ob Kant's Kritik Metaphysik enthalte? // Philosophische Journal einer Gesellschaft Teutscher Gelehrten. 798.
25. *Schad J.B.* Schad's Leben von ihm selbst geschrieben. Altenburg, 1828.
26. *Schad J.B.* System der Naturphilosophie und Transzendentalphilosophie. Landshut, 1803.
27. *Schad J.B.* Uber Leben und Schicksale des ehewurdigen Vater Sincerus.
28. *Tenneman G.* Grundriss der Geschichte der Philosophie. 4-e Aufl. Leipzig, 1825.
29. Theologische Nachrichten. Rintein, 1803. Heft. V-VI.
30. *Багалей Д.И.* Опыт истории Харьковского университета. Т. 1-2.
31. *Багалей Д.И.* Удаление профессора И.Е.Шада из Харьковского университета. Харьков: Зильберберг, 1899. 147 с.
32. *Горский В.С.* Историко-философская оценка учения Канта на Украине (сер. 19 — начало 20 вв.) // Критические очерки по философии Канта. Киев: Наукова думка, 1975. С. 322-344.
33. *Жорес Ж.* Фихте и Французская революция // Социалистическая история Французской революции /Под ред. А.В.Адо. М.: Прогресс, 1981. Т. 4. С. 211-258.
34. *Зеленогорский Ф.А.* Влияние философии Шеллинга // Записки Императорского Харьковского ун-та. 1893. Кн. 4.
35. *Зеленогорский Ф.А.* И.Г.Шад // Записки Императорского Харьковского ун-та. 1896. Кн. 2.
36. *Зеленогорский Ф.А.* И.Г.Шад. Логика и психология // Вопросы философии и психологии. 1895. Март; ноябрь.
37. *Зеленогорский Ф.А.* И.Г.Шад. Institutiones juris naturae. Харьков, 1900.
38. [*Есикорский Ст.*] Фихте И.Г. Яснейшее изложение, в чем состоит существенная сила новейшей философии. Опыт принудить читателя к разумению /Пер. Ст. Е(сикорский). Харьков: Харьк. унив., 1813.
39. *Каменский З.А.* А.И.Галич. М.: ИФРАН, 1995. 229 с.
40. *Каменский З.А.* Еще о школе Шада. Послесловие к публикациям перевода докторских диссертаций Густава Адольфа Гесса де Кальве и А. Дудровича // Кантовский сборник. Вып. 6. Калининград: Калининградский ун-т, 1981. С. 130-134.
41. *Каменский З.А.* Послесловие к публикации перевода докторской диссертаций Иоанна Любачинского // Кантовский сборник. Вып. 6. Калининград: Калининградский ун-т, 1981. С. 129-133.
42. *Каменский З.А.* Философские идеи русского просвещения. М., 1971.
43. *Кравец И.Н.* Иоганн Шад — профессор философии Харьковского университета начала 19 века // Философские науки. 1960. № 4. С. 120-131.
44. *Лавровский Н.А.* Эпизод из истории Харьковского университета. М.: Университетская тип. (Катков), 1873. 58 с.
45. *Любачинский Ив.* Логика. Харьков, 1817.
46. *Любовский П.* Опыт логики. Харьков, 1818.

47. Неизвестные страницы биографии Иоганна Баптиста Шада (1804-1816 гг.) // Философия Фихте в России. Оренбург: Оренбургский Гос. Аграрный ун-т, 1996. С. 33 — 41.
48. Пащикова А.А. Кант и философия на Украине начала 19 века // Критические очерки по философии Канта. Киев: Наукова думка, 1975. С. 299-322.
49. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1.
50. Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1.
51. Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в царствование императора Александра Первого.
52. Талызин М. Логика. СПб., 1827.
53. [Шад И.Б.] Биография И.Б.Шада из «Нового некролога немцев». 1834. Вып. 12. С. 34-47 // С. 33-42.
54. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 122-129.
55. Зеленогорский Ф.А. О методах исследования и доказательства. М.: РОС-СПЭН, 1998.

Примечания

- ¹ Вот как характеризует Шада акад. Д.И.Багалеи: «... человек большого и самостоятельного ума, целою головою стоявший выше своих товарищей профессоров, с сильной волей и характером, с большим запасом кипучей энергии, которая направлена была, главным образом, на дело просвещения». Багалеи Д.И. Удаление профессора И.Б.Шада из Харьковского университета. Харьков, 1899. С. 12.
- ² В старой, однако же не потерявшей научного значения, работе И.Эрдманна, Шад назван «одним из самых верных последователей» Фихте (*Erdmann J.E. Grundriß der Geschichte der Philosophie*. 3-е Aufl. В., 1878. Bd. 2. S. 441). З.А.Каменский, чьи мнения касательно русской философии первой четверти XIX века для нас являются определяющими, причисляет Шада к представителям диалектического идеализма шеллингианского толка. Если же говорить точнее, Каменский находит у названного мыслителя, равно как и у его последователей, «шеллингианский ход мысли» и даже «предвосхищение позиции Гегеля». Взгляды Шада, по мнению Каменского, суть «переходные от субъективизма Фихте к объективному и диалектическому идеализму Шеллинга, с которым Шад развивался, в известной мере, параллельно».
- ³ Послесловия Каменского, коими снабжены тщательно выполненные переводы А.А.Столярова, правомерно рассматривать как начало более глубокого, чем то практиковалось ранее, осмысления означенной философии. См.: Каменский З.А. Еще о школе Шада. Послесловие к публикациям перевода докторских диссертаций Густава Адольфа Гесса де Кальве и А.Дудровича //

- Кантовский сборник. Калининград, 1981. Вып. 6. С. 130-134; *Каменский З.А.* Послесловие к публикации перевода докторской диссертации Иоанна Любачинского // Кантовский сборник. Калининград, 1981. Вып. 6. С. 129-133.
- ⁴ Ряд небезынересных сведений, имеющих отношение к биографии И.Б.Шада, содержится в публикации «Неизвестные страницы биографии И.Б.Шада» // *Философия Фихте в России.* Оренбург, 1996. С. 33-41. Публикация эта представляет собой перевод биографии И.Б.Шада, к сожалению, без указания имени переводчика, из «Нового некролога немцев» за 1834 г. Вып. 12.
- ⁵ Бамберг в те времена являлся столицей одноимённого епископства, а Кобург — столицей княжества Кобург-Заальфельд, иными словами, Шад родился на границе светского и духовного государства. Ныне Бамберг относится к Баварии.
- ⁶ Католическая церковь отмечала в этот день праздник ап. Андрея Первозванного.
- ⁷ «... если Шад с огорчением говорит о религиозном заблуждении своих родителей, то с тем большей радостью он вспоминает об их добродетелях, рано пробудивших его нравственные силы и убеждения, что им он обязан своей умеренностью, честностью, трудолюбием и первыми уроками начальной грамоты, вполне удовлетворявшими его собственную потребность и послужившими его дальнейшему умственному развитию». См.: «Неизвестные страницы биографии И.Б.Шада» // *Философия Фихте в России.* Оренбург, 1996. С. 34.
- ⁸ «... слишком поздно он понял, в какой ад телесных мук, душевного страха из-за угрызенной совести, в какое мучительное состояние души он себя вверг, так что все страдания, которые на протяжении всей его удивительной подвижнической жизни пришлось вынести его отягощенной мучительными болезнями плоти, по его неоднократным высказываниям, казались ему детской игрой по сравнению с той жизнью в монастыре». «Неизвестные страницы биографии И.Б.Шада» // *Философия Фихте в России.* Оренбург, 1996. С.35.
- ⁹ «В ней он выразил всю свою ненависть к монашеству, поведывая о гнусностях, о которых он слушал, читал или узнал». См.: «Неизвестные страницы биографии И.Б.Шада» // *Философия Фихте в России.* Оренбург, 1996. С. Именно это произведение, как мы о том узнаем далее, вызвало сильнейшее раздражение у кн. А.Н.Голицына, что и положило предел российской карьере Шада. (*Sincerus* с латинского языка можно перевести как «откровенный»).
- ¹⁰ «*Жорес Ж.* Фихте и Французская революция // *Социалистическая история Французской революции* /Под ред. А.В.Адо. М., 1981. Т. 4. С. 211. Идеологическая контрпропаганда свелась, главным образом, к запрету разглаговльствовать на политические темы в трактирах и на постоянных дворах, чем и ограничилась противореволюционная активность маркграфа Гессенского.
- ¹¹ В силу названных эдиктов, вызванных к жизни зигзагообразной политикой визионера Вельнера, пострадала и вторая часть труда Канта «Религия в пределах только разума». Раздражённый Фихте парировал удар властей резкой диатрибой «*Zuruckforderung der Denkficherheit von den Fursten Europas, die sie bisher unterdrucken*» (начало 1793 г.).
- ¹² «Приказание было исполнено с величайшей строгостью. «Через 24 часа, — вспоминает Шад, — в течение которых не имел я даже времени собрать

нужные путевые деньги, должен я был оставить любезную жену и дочь... дом, добро и все, что приобрел неутомимыми трудами, и, наконец, на мой собственный счет многими извилинами и посреди самых подлых оскорблений со стороны полицейских команд в Польше, полумертвый, был привезен в Прусскую землю».

¹³ Шад какое-то время был экстраординарным профессором (в силу рекомендации Хуффеланда) в Берлине и Йене, однако такая профессура в Германии, как известно, не оплачивалась. Харьковские сбережения для изгнанника стараниями его недоброжелателей были сделаны недоступными, многочисленные же его апелляции к российскому правительству дали нулевой результат. Распад семьи Шада красочно рисуется в некрологе этого философа: «Все свое состояние он оставил второй жене, которая приехала в Германию через два года после его высылки, без денег и без дочери. Два года спустя она ушла от него, что его нисколько не опечалило. Вообще, он старался пропускать эту часть своей биографии». Многое здесь, впрочем, неверно. Из других источников мы, в частности, знаем, что Шад, осознававший свою полную материальную необеспеченность, сам советовал своей жене вернуться на родину. У Шада, между прочим, был и сын, который в 1828 году в Санкт-Петербурге хлопотал о назначении пенсии больному отцу, хотя и без видимых результатов.

¹⁴ В 1845 г. Фихте-младший продолжал возмущаться тем, что о системе Фихте продолжают судить на основании не доведённых до конца различных вариантов «Наукоучения».

¹⁵ Философия религии, в расхождении со сказанным в заглавии, содержится в третьем томе, который и вышел как самостоятельная работа, а не как просто третий том. В данном случае в примечания Г.Г.Шпета (С. 122) вкралась ошибка. Вряд ли также правомерно называть «Общедоступное изложение системы Фихте» самой крупной в содержательном отношении работой Шада. См.: *Шнем Г.Г.* Очерк развития русской философии // Сочинения. М., 1989. С. 122.

¹⁶ *Schad J. B.* Absolute Harmonic des Fichte'schen Systems mit der Religion. S. 1. Целью своей работы Шад полагает самостоятельное изложение системы Фихте (точнее говоря, духа системы Фихте) и выводимой из неё теории религии. Изложение это планировалось осуществить с возможно большей точностью и определённостью.

¹⁷ Отрицание объективности отнюдь не означает отрицать реальность как таковую.

Schad I. B. Op. cit. S. III.

¹⁸ *Schad I. B.* Op. cit. S. 373, 375-377, 379, 443.

²⁰ Современников этих простить можно, ведь они составили себе представление о Фихте на основании проникнутых революционным пафосом работ последнего. О каком ином, как не отрицательном, отношении к положительной религии (религия философов здесь в расчёт братья не может, поскольку философов в обществе, как любили говорить Фридрих Великий и его приятель Д'Аржансон, насчитывается слишком мало, чтобы обращать на них внимание в реальной политике) свидетельствуют следующие пассажи: «Когда церковь возлагает на своих членов обязанности, противные их долгу

- граждан, то государство должно предотвращать это и карать. Во время революции *государство вправе запрещать учения церкви, противные гражданским правам, изгонять из общества всех лиц, отказывающихся от выполнения своих гражданских обязанностей*. См.: *Ж.Жорес*. Указ. соч. С. 235-237. «Никакого возмещения! Мы не наслаждались небесными благами церкви, церковь может взять их обратно; она может поразить нас своими карами, предать нас анафеме, проклясть. В этом она совершенно вольна, а если мы больше не верим в церковь, то это не произведёт на нас большого впечатления». Там же. С. 236. Сийес, Талейран и Туре, компенсировавшие слабость своих аргументов в вопросе о церковных имуществах заезженными штампами юридической риторики, в сравнении с Фихте определенно проигрывают.
- ²¹ *Schad I.B.* Op. cit. S. 495. Г.Г.Шпет, который не мог пропустить этого места, не без ехидства замечает: «Пока Шад излагал Фихте, он стал шеллингианцем». С. 123. От себя добавим, что в третьем томе Шад, отказавшись от помощи Фихте, пустился в философское море на свой страх и риск.
- ²² «...und daher beinahe anzusehen sei, als wenn sie bisher gar nicht existiert habe» (*Schad I.B.* Op. cit. S. 494).
- ²³ «Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о сущности новейшей философии» была опубликована в 1801 г., как раз тогда, когда Шад завершал своё основное «фихтеанское» сочинение. Шад, считавший, что чтение трудов Фихте скорее повредило ему, чем помогло, в отношении себя и публики оказался прав — данная работа Фихте ещё более расширила круг недоброжелателей последнего.
- ²⁴ На это обстоятельство обратил внимание Г.Г.Шпет, который, к слову сказать, относился к Шаду весьма критически.
- ²⁵ «Kann nun gezeigt werden, da ein gewißer Gefühl, das nie, auch auf der höchsten Stufe der Intellektuellen Kultur durch einen ganz passenden Ausdruck charakterisiert werden kann, — das man unter den cultivierten Nationen Religiosität nennt, von der Natur der Intelligenz unzutrennend sei, so ist auch dadurch zugleich bewiesen, daß sogleich mit dem ersten Akt des Bewußtseins Religiosität vorhanden sei...» (*Schad I.B.* Op. cit. S. 371. Дальнейшее изложение этого тезиса хорошо представлено у Г.Г.Шпета. Указ. соч. С. 123. Шад, судя по всему, был искренне убеждён в том, что ему удалось примирить разум с верой. Во всяком случае, этот пункт постоянно им выделялся в переписке с российскими властными инстанциями. См.: *Багалей Д.И.* Удаление профессора И.Б.Шада из Харьковского университета. Харьков, 1899. С. 2.
- ²⁶ *Liepmann J.B. Schad // Allgemeine deutsche Biographic. Bd. 30. Leipzig, 1890. S. 493.*
- ²⁷ Шад, пытаясь оправдаться, писал, что студенты философии пользовались его манускриптами из-за того, что не имели на руках потребного числа печатных учебников. К студентам Шад, вообще говоря, относился весьма снисходительно: «Нельзя от них требовать, чтобы они составляли собственные системы; довольн,о если они искусным образом успеют пользоваться моими манускриптами и книгами и защищать публично с похвалой основания моей философии». *Багалей Д.И.* Удаление профессора И.Б.Шада из Харьковского университета. Харьков, 1899. С. 16.
- ²⁸ *Каменский З.А.* Русская философия начала 19 века и Шеллинг. М., 1980. С. 112.
- ²⁹ Здесь Шаду вменили в вину отступление от латинского текста, а также

отдельные непристойности, к примеру, употребление в соответствующем малопристойном месте слова *lupanar* (публичный дом).

³⁰ В нападках на правовое сочинение Шада и в доносах Дегурова речь шла о предметах гораздо более серьёзных. Шад, если верить доносчикам, допускал самые дерзкие ругательства против российских законов, делал оскорбительные для нравственного чувства оговорки в учении о браке, и вообще «автор придерживается новейшей в Германии возникшей философии и в особенности последует, по крайней мере, в главных правилах, системе Шеллинга; а весьма сомнительно, должно ли прямо допустить введение этой системы в России и укоренение её в памяти молодых Россиян». См.: *Багалей Д.И.* Указ. соч. С. 20. В 18 пункте «Оснований естественного права» Шад, действительно, хватил через край, заявив, что «*Finis absolutus omnis matrimonii pop est procreatio sobolis, sed amor*».

³¹ Интересно отметить, что Шад в своих апологиях всячески отмежёвывался от Шеллинга, имевшего в глазах российских властей репутацию фармазона и карбонария. «Моя система, — писал Шад начальству, — состоит в совершенно другой и высокой сфере, чем система Шеллинга. Предмет философского исследования Шеллинга — физика. Цель же моей философии состоит в том, дабы положить твёрдое и непоколебимое основание важнейшим и священнейшим истинам, без коих человек ни добрым, ни счастливым сделаться не может, и к которым относятся: существование Бога, свобода человеческой воли, совершенное достоинство добродетели и бессмертие души. Моя система клонится к тому, дабы внушить человеку твёрдую и непоколебимую сомнениями любовь к добродетели, религии, к христианству и к предвечному праву». См.: *Багалей Д.И.* Указ. соч. С. 55.

³² Замечательно поразительное нежелание понять друг друга, коим отличались представители французской и немецкой философской культуры. Так граф Потоцкий, страстный поклонник французской философии XVIII столетия, рассуждая о деле Шада, заметил, что «почти все немецкие философы отличаются странностями, порой небезопасными». Примера ради, приведём самые яркие обвинения в адрес Шада на языке оригинала. Он якобы «*preche le deisme et ose declarer absurde toute idee d'une revelation Divine... il se moque en même temps de l'absurdite de l'idee d'une Sainte Trinite, de l'Incarnation de Dieu et des mysteres du Saint Sacrement*» (он проповедует деизм и осмеливается объявлять нелепой любую идею Божественного откровения... Он также высмучивает, как нелепую, идеи Св. Троицы, Боговоплощения и Св. Таинства Причастия). Религия разума, по умозаключениям доносчика, — *aussi temeraire que chimerique*. *Багалей Д.И.* Указ. соч. С. 26-27.

³³ Приведем выразительный пример из числа тех, каковыми пользовался Шад в своей апологии: «Философия моя считает за величайшее преступление распространение французского заразительного духа... она письменно и словесно старается о распространении веры, нравственности, любви к Отечеству и усердия к общему благосостоянию». *Багалей Д.И.* Указ. соч. С. 88. В этом послании Шад не только разделяется со своими недоброжелателями: «Мои обвинители... не знают ни одного немецкого слова и потому никогда не читали немецких философов» (здесь Шад несколько грешит против истины, так как первые обвинения были направлены в его адрес после выхода в свет латинских произведений, а уж латинским языком французы владели тогда превосходно),

но и в очередной раз подчёркивает отличие своей философии от философии Шеллинга: «Шеллинга наиболее порицают за то, что он, остановясь на первой природе, обоготворил её... Моя философия совершенно удалена от такого духа... Напротив, я уверен, и на это имею в своих сочинениях самые ясные доказательства, что не только моя философия, но и все мои учёные занятия единственно клонятся к тому, чтобы утвердить на незыблемых основаниях не одни только истины естественного богослужения, которые ныне много ослаблены господствующей философией, но и положительное (откровенное) христианское учение подкрепить и объяснить теми доказательствами, которые заимствованы из всеобщих начал разума... Я совершенно уверен, что моё величайшее благополучие и моя величайшая мудрость заключаются в том, что во всём мироздании, — от персти до человека, — во всех происшествиях света, во всей природе, в искусствах, науках умозрительных, видеть Бога и Христа Иисуса, Бога Создателя и Искупителя, Бога -Источника всякой любви, открывающегося в действиях и творениях. *Багалей Д.И. Указ. соч. С. 82.* Да, это далеко не Фихте времён зажигаемых «Zurückforderung der Denkfreiheit von den Fürsten Europas, die sie bisher unterdrückt» и «Beitrag zur Berichtigung der Urteile des Publikums über die Französische Revolution».

34 По иронии судьбы Шад получил от русского царя награду в 300 червонцев, причём как раз за то сочинение, которое ему было вменено в вину при высылке!

³⁵ «...воспитание свободной личности (у французов) происходит... недостаточно... потому что они в своих философских системах перепрыгнули через идею (личностной ценности), ценности чисто творческой и сами никогда не смогли бы возвыситься до идеи свободы и правовой империи». Справедливости ради, следует заметить, что таких мнений Фихте держался далеко не всегда. Французскую революцию он, как известно, принял восторженно. Если верить тому, что философ написал Багтезену в апреле 1795 г., то его «Наукоучение» вдохновлялось освободительными идеями, обретшими зримое воплощение в событиях 1789—1791 гг. Дабы не быть голословными, приведём слова самого Фихте: «Моя система — это первая система свободы. Так же, как эта нация (Франция), избавит человечество от материальных цепей, моя система избавит его от ига *вещи в себе*, внешних влияний; её первые принципы делают из человека независимое существо. «Основа общего наукоучения» родилась в годы, когда французская нация своей энергией добилась торжества политической свободы; она родилась в результате моей внутренней борьбы с самим собой и со всеми укоренившимися во мне предрассудками... Доблести французской нации обязан я тем, что поднялся ещё выше... Таким образом, моя система в известной мере принадлежит французской нации». Справедливости ради? следует сказать, что «Основа общего наукоучения» («не только оправдание революции, но и практические поиски средств проложить ей путь в Германию»). Ж.Жорес. Указ. соч. С. 243.) на современников никакого впечатления не произвела. Только «Иенская литературная и универсальная газета» соблагволила поместить на своих страницах серьёзный, правда, резко отрицательный, разбор этого сочинения, да и то принадлежавший фон Гентцу, перо которого, как всем слишком хорошо было известно, оплачивалось банкирами антиреволюционных и антинаполеоновских коалиций (банк «Берен», М.-А.Ротшильд).

Известный французский историк Э.Кине удачно, с точки зрения своих соотечественников, разумеется, сравнивал Канта с Учредительным собранием, а Фихте — с Национальным Конвентом. Со всем тем следует заметить, что Фихте был слишком глубоким философом, чтобы мы могли охарактеризовать его политическую позицию на основании пары фраз, выхваченных из частной переписки или же злободневного цюрихского памфлета... Примера ради, рассуждения из помеченной тем же 1793 г. книги «К исправлению суждений публики о французской революции» местами чем-то разительно напоминают мнения Э.Бёрка, человека, с которым Фихте тогда полемизировал — «Пока люди не станут более мудрыми и справедливыми, тщетны будут все их усилия стать счастливыми. Едва вырвавшись из тюрьмы деспотов, они начинают убивать друг друга обрывками из своих разбитых цепей». (Последние слова — несомненная аллюзия на основополагающий опус Марата). Революционная риторика оставалась стихией барона Клоотса, с его двухлундоровыми «уполномоченными представителями человеческого рода».